
Юлия Соло
«Сварогов Ковчег» книга 2
«Пепел наузов»

Юлия Соло

«Сварогов Ковчег»
книга 2 «Пепел наузов»

«Автор»
2026

Соло Ю.

«Сварогов Ковчег» книга 2 «Пепел наузов» / Ю. Соло — «Автор», 2026

Книга 2 «Пепел наузов» — это трилогия «Сварогов Ковчег».Выжига вырвался из каменной клетки и пробудил Перуна. Пока Громовержец обрушивает молнии на подстанции и рвет сети, Палач охотится на последних бессмертных, вырезая их Имена и забирая силу. Обычное железо и медные наузы больше не способны его удержать.Единственный шанс горстки писцов и их спутников — прорваться на север, в затерянную среди ледяных хребтов Хибин Первую Кузню Сварога, чтобы выковать оружие по древним чертежам. На старом пикапе, обшитом свинцом, им предстоит пройти сквозь полицейские заслоны, мертвую тишину Белого омута и безжалостный шторм.Но за каждое обращение к Нави приходится платить: памятью, зрением, живой плотью, превращающейся в черный базальт. А тем временем в проводах по всей стране просыпается безымянный сетевой дух. Чтобы выжить, героям придется наречь его — не зная, станет ли новый бог их спасением или обратит огонь против них самих.

© Соло Ю., 2026
© Автор, 2026

Юлия Соло
«Сварогов Ковчег» книга 2 «Пепел наузов»

Книга 2. «Пепел наузов»

(Трилогия «Сварогов Ковчег»)

Пролог. Гром под бетоном.

На глубине тридцати метров под асфальтом Пресни гул не затихал ни на секунду — низкий, утробный, вибрирующий в самой подошве кирзовых сапог. В заброшенном, выведенном из эксплуатации машинном зале старой узловой подстанции пахло не жертвенным дымом дубовых рощ, а перегретым трансформаторным маслом, остывающим бетоном, свинцовой пылью и сухим, колючим озоном.

Выжига спускался по ржавой железной лестнице не спеша. За трое суток, прошедших после стычки в вологодском скиту, его заимствованное тело неуловимо изменилось. Сутулый, жилистый водитель «Жигулей» словно вытянулся и затвердел изнутри: кожа на шее и скулах приобрела тусклый, пепельный оттенок, а шаги по бетонным ступеням отдавались глухим, каменным стуком, от которого с потолка осыпалась известковая побелка.

В левой руке Палач держал массивный фонарь, вырванный из бардачка брошенной на трассе фуры, а на правой ладони — там, куда впитался украденный у писцов берестяной свиток Волота — под кожей едва заметно светился тонкий, ветвистый узор переплетенного науза. Замок-ключ.

В самом центре полутемного зала, окруженный списанными масляными выключателями и толстыми, в руку толщиной, медными шинами в оплетке из почерневшей изоляции, стоял старый дежурный щит управления. На перевернутом кабельном барабане перед ним, под тусклым светом единственной аварийной лампы, сидел крупный, широкоплечий старик в застиранной синей робе энергетика с выцветшей нашивкой «Мосэнерго».

Седые, всклокоченные волосы падали ему на мощные, бугристые плечи, густая борода была перепачкана машинным маслом, а загрубевшие пальцы с почерневшими ногтями машинально перебирали обрывок толстого многожильного медного кабеля, словно старые четки. Стоило старику сжать жилы чуть сильнее, как между кончиками проводов с треском проскакивала короткая, ослепительно-белая искра.

Перун. Владыка небесного огня и грома. Три тысячи лет назад ему ставили идолов с серебряными головами и золотыми усами на высоких холмах, а теперь он доживал свой век в бетонном подземелье, поддерживая руками изношенные фидеры старой подстанции, чтобы в многоэтажках наверху не гас свет.

Дверь гермозатвора за спиной Выжиги закрылась сама собой — громадный стальной засов задвинулся с глухим лязгом.

Перун не повернул головы. Лишь его широкие плечи напряглись под синей робой, а воздух в зале мгновенно стал плотным и наэлектризованным, заставляя редкую пыль зависнуть в луче фонаря.

— Уходи, чужак, — глухо, с раскатистым, рокочущим эхом произнес старик. Голос его звучал так, словно где-то далеко за бетонными стенами перекатывались первые майские громы. — Здесь закрытый объект. Если коснешься шин без допуска — сгоришь в уголь.

Выжига остановился в пяти шагах от кабельного барабана. На его бледном, неподвижном лице не было ни прежней ласковой усмешки, ни ярости — только холодное, абсолютное спокойствие камня.

— Я не смертный, брат, — тихо сказал Палач, поднимая правую руку, на ладони которой сквозь серую кожу проступил синий рисунок берестяного науза. — И ты давно не обходчик

сетей. Посмотри на себя, Громовержец. Они заперли тебя в бетонный мешок, опутали медной проволокой и выкачивают твою грозу в свои лампочки и холодильники, как воду из колодца.

Перун медленно обернулся. В его глубоко посаженных, нависших под густыми седыми бровями глазах не было старческой слепоты — там ворочались две тугие, слепящие шаровые молнии, освещавшие зал мертвенным голубым светом.

— А что мне оставалось делать, Палач? — хрипло спросил Громовержец, сжимая медный кабель так, что изоляция задымилась и потекла черными каплями. — Люди перестали бояться неба. Они понатыкали громоотводов на каждой крыше, заземлили мою ярость в землю. Я спустился сюда, чтобы хоть здесь чувствовать, как по жилам бежит ток. Кто тебя выпустил из камня?

— Писцы, — ровно ответил Выжига и сделал шаг вперед, раскрывая ладонь с впечатанным Именем. — Я принес тебе ключ, брат. Твое Имя больше не завязано в бересте людей. Я срываю их замок.

Выжига сжал пальцы в кулак. Внутри его собственной ладони вспыхнуло синее пламя — но Палач не уничтожил древний узор. Ловким, невидимым движением воли он распустил петли писцов и тут же вплел огненную нить Перуна в свой собственный базовый науз, намертво привязывая Громовержца к себе.

По машинному залу ударил оглушительный, костедробительный грохот. Старые трансформаторы у стен взвыли на предельной частоте, изоляторы лопнули каскадом, осыпая пол фарфоровой крошкой. Перун вскочил с кабельного барабана, выгибаясь дугой — синяя роба энергетика на его груди вспыхнула и рассыпалась пеплом, обнажая могучий, покрытый старыми шрамами торс, по которому змеями заплясали слепящие разряды молнии.

Громовержец запрокинул голову и издал глухой, утробный рык, от которого задрожали бетонные перекрытия столицы, а в радиусе трех километров над Пресней разом погасли уличные фонари и вспыхнули дугами короткого замыкания подстанции.

— Я помню... — пророкотал Перун, втягивая в себя озоновый угар подземелья и с ненавистью глядя на бетонный потолок, за которым шумел многомиллионный город. — Пятнадцать тысяч лет они держали меня на поводке... Жгли свечи, просили дождя, а потом заперли в проводах...

— Иди со мной, брат, — тихо солгал Выжига, стоя посреди летающих искр абсолютно неподвижно и пряча в кулаке горящую ладонь с привязанным Именем. — Я не приказываю тебе — их замок снят, ты волен. Но в описи на том же свитке значилось: у писцов остался последний лист Сварога. Если они доберутся до Первой Кузни в северных горах, они снова скуют против нас железо и запрут тебя в камень еще на десять тысяч лет. Помоги мне сжечь их память дотла — и небо снова станет нашим.

Перун медленно разжал кулаки, глядя на пляшущие между пальцами молнии. В его глазах горела не холодная расчетливость Выжиги, а древняя, слепая, тысячелетняя ярость обманутого бога, не подозревающего, что он просто сменил одного тюремщика на другого.

— Покажи мне, где прячется этот улей, Палач, — прогремел Громовержец, шагая к железной лестнице, под сапогами которого плавился бетон. — Я выжгу их провода до самого основания.

Акт I. Охота в проводах

Глава 1. Базальтовый приемник.

Утро третьего дня после бегства из вологодских болот началось на высоком песчаном обрыве над безымянной архангельской речкой не с птичьего гомона, а с резкого, режущего глаза белого света, от которого у Артёма мгновенно заломило переносицу и заслезились глаза.

Он проснулся на разложенном у затухающего костра спальнике, резко сел и зажмурился, прижимая здоровую левую ладонь к векам. Солнце только-только поднялось над верхушками северных сосен, но его лучи били сквозь хвою как сварочная дуга, оставляя на сетчатке пляшущие фиолетовые пятна.

— Тёма, ты чего? Опять давление скачет? — рядом на корточки опустилась Галина, приложив прохладную ладонь ко лбу парня. Сама женщина выглядела измотанной после бессонных ночей за рулем и перевязок, на щеке еще темнела ссадина от прорыва через торфяную гать, но в голосе звучала привычная, собранная сила фельдшера.

— Свет слишком яркий, Галина Сергеевна, — глухо ответил Артём, осторожно приоткрывая глаза и стараясь смотреть вниз, на серый песок и остывшие угли костра. Очки в тонкой оправе, треснувшие еще в часовне скита, сидели криво, но дело было не в стеклах — по краям поля зрения дрожала мелкая, едва заметная синяя рябь. — Будто кто-то прожектор прямо в лицо включил.

— Дай-ка руку посмотрю, — нахмурилась Галина, берясь за его правое предплечье.

Артём молча протянул руку. После того отката при передаче свитка Выжиге медная проволока расплавилась и осыпалась, а сам ожог перестал светиться синим. Теперь вся кисть Артёма от кончиков пальцев до самого запястья выглядела пугающе чужой: кожа натянулась, потемнела и затвердела, превратившись в гладкий, холодный на ощупь черный базальт, пронизанный тонкими, застывшими прожилками пепельного цвета. На костяшках не было ни волосков, ни пор — только мертвый вулканический камень, который при случайном ударе о кружку или пряжку ремня отзывался глухим стуком.

Галина осторожно коснулась границы между живой кожей и черным камнем на запястье. За трое суток дороги по глухим проселкам темная, ороговевшая кромка продвинулась еще на два сантиметра вверх по предплечью, подбираясь к локтевым сухожилиям.

— Она ползет, Тёма, — тихо сказала женщина. — И пульс на этой руке почти не прощупывается. Кровь туда почти не идет.

Из-под маскировочной сетки трофейного пикапа, прикрытой лапником, выбрались заспанные девочки. Полина молча подошла к костру, кутаясь в отцовскую штормовку, и бросила быстрый, настороженный взгляд на черную кисть Артёма. А десятилетняя Алиса остановилась в двух шагах, прижимая к груди свой потрепанный альбом для рисования, и тихо, почти шепотом произнесла:

— Она не болит, дядя Артём. Она просто слушает. Как рельса перед поездом.

И словно в подтверждение ее слов в этот самый миг Артём вздрогнул. Его базальтовая правая рука сама собой дернулась и с силой прижалась ладонью к влажному песку обрыва.

В голове археолога не раздалось ни голоса, ни грохота — но сквозь кости предплечья, ключицу и череп прошел долгий, низкий, вибрирующий толчок, от которого заныли пломбы в зубах. Где-то далеко на юге, за тысячи километров от глухой архангельской тайги, словно провернулся колоссальный каменный жернов, а в воздухе над лесом на долю секунды потянуло сухим озоном и гарью.

Артём задохнулся, схватившись здоровой рукой за висок. Перед закрытыми глазами в пляшущей синей ряби на миг проступил чужой образ: темный бетонный зал, гудящие трансформаторы и две слепящие шаровые молнии вместо человеческих глаз.

— Он разбудил его... — просипел Артём, открывая слезящиеся глаза и переводя взгляд на подошедших к костру Веру, Дэна и Велеса, который тяжело опирался на свой ясеневый посох, придерживая перевязанную грудь. — Выжига спустился в Москву. Он открыл Имя Перуна.

Велес мрачно нахмурил седые брови и медленно опустился на поваленный ствол сосны. Лицо старого бога за эти дни осунулось и постарело еще на десять лет — под глазами залегли глубокие темные тени, а руки скотника заметно дрожали.

— Значит, началось, — глухо произнес ветеринар, глядя на черную каменную руку Артёма. — Твой ожог больше не маяк, парень. Свиток сгорел в руке Палача, и печать выгорела в базальт. Теперь твоя рука работает как приемник Нави. Чем громче будут греметь боги там, на юге, тем сильнее эта корка будет жрать твое тело.

— И что нам делать? — жестко спросил Дэн, стоявший чуть поодаль и методично замазывавший свежей сыромятиной рукоять своего черного клинка из Сварогова железа. — Сидеть в лесу и ждать, пока этот мясник соберет весь свой пантеон и придет за нами?

— Не ждать, Кабан, — твердо ответила Вера. Девушка всю ночь не сомкнула глаз, склонившись над вторым, нетронутым свитком волотовской школы при свете карманного фонарика, и теперь ее глаза лихорадочно блестели от недосыпа и азарта. — Я разобрала первую часть маршрута. Нам нужно на крайний север, в горный массив за полярным кругом. Там спрятана Первая Кузня Сварога. Только в ее горне можно выковать оружие, способное пробить броню Выжиги и Громовержца.

— До полярного круга еще больше тысячи километров, — отозвался Пётр Ковалёв, вылезая из-под кузова пикапа с гаечным ключом в руке и морщась от боли в сломанных ребрах. — И мы на угнанной машине наемников, которую уже третий день ищут по всем постам.

— Значит, пойдем старыми лесовозными зимниками в обход трасс, Пётр Алексеевич, — ответил Артём, поднимаясь на ноги и пряча холодную каменную руку в карман куртки, подальше от режущего глаза утреннего солнца. — У нас нет выбора. Если мы не дойдем до Кузни первыми, возвращаться нам будет уже некуда.

Глава 2. Чертеж Инженера

Утренний костер на песчаном обрыве почти догорел, оставив после себя лишь горстку седого, остывающего пепла, от которого тянуло горьким дымом смолистых еловых веток и влажным речным туманом.

Вера сидела на разложенной у сосны брезентовой плащ-палатке, поджав под себя затекшие ноги в пыльных джинсах. Рядом лежали распечатанные еще до побега топографические карты Архангельской области и Кольского полуострова, блокнот с пометками и второй, нетронутый берестяной свиток волотовской школы. Тот самый, который она успела спрятать за пазуху в разрушенной часовне скита, пока Артём отдавал Выжиге бересту с Именем Перуна.

Девушка работала медленно, почти не дыша, морща лоб от недосыпа. За три дня пути глухими лесными зимниками она изучила каждый миллиметр древней коры. В отличие от первого свитка, здесь не было перечня божественных Имен. Почти весь лист занимали сложные, выжженные тонким раскаленным острием геометрические схемы, переплетенные с рядами узелковой вязи и пометками охрой. Вера раз за разом накладывала кальку со скопированными знаками на современную геологическую карту, сверяя изгибы древних русел и горных хребтов, изменившихся за пятнадцать тысячелетий.

— Сошлось, — тихо выдохнула она, ставя красным карандашом точку в самом центре Хибинского массива. — Смотрите. Древние писцы привязывали координаты не к городам, а к магнитным аномалиям и разломам плиты. Вот здесь, в глубине северного цирка, находится Первая Кузня Сварога. Но вот этот нижний узел на чертеже... Я всю ночь над ним билась. Он не запирает Имя и не отводит силу в землю, как инверсная петля. Он пустой.

Рядом, привалившись спиной к стволу старой сосны, сидел Велес. Старый бог выглядел пугающе чужим самому себе: за трое суток после удара Палача в скиту его грузное тело словно усохло, плечи ссутулились, а в свалявшейся седой бороде не осталось ни единого темного волоска. У его ног, уткнув морду в перевязанные бинтом лапы, тревожно поскуливал во сне хромой пес.

Велес медленно повернул голову. Его болотные глаза, прежде спокойные и глубокие, теперь казались выцветшими, подернутыми мутной старческой пленкой. Старый бог долго смотрел на бересту, шевеля пересохшими губами, словно с трудом подбирая слова из давно забытого языка.

— Это... искровик, — хрипло выдавил ветеринар, раздраженно потирая висок узловатыми пальцами. — Запал, девка. Без него каменный горн Железного Отца не проснется.

— Но чем его зажечь? — вмешался подошедший к плащ-палатке Артём. Его правая рука, до середины предплечья затянутая в черный, гладкий базальт, висела вдоль тела как чужой каменный протез, а глаза прятались за темными солнцезащитными очками, которые Галина нашла в бардачке пикапа — без них утренний свет нестерпимо резал роговицу. — У Петра Алексеевича в багажнике есть газовый резак и сварочный инвертор. Не хватит?

— Игрушки это для Сварогова камня, — глухо усмехнулся Велес, но тут же закашлялся сухим, надрывным кашлем, прижимая ладонь к забинтованной груди. — Сварог сложил тот горн из глубинного базальта, который плавится только от живой небесной искры. А она пятнадцать тысяч лет назад ушла вместе с Отцом. И я вам ее не высеку. Удар Палача в скиту перебил мою связь с корнями земли. Теперь я старею по человеческому счету — с каждым днем во мне все меньше бога и все больше старого, изношенного мяса.

В тишине у костра стало слышно, как шумит на перекате безымянная северная речка. К плащ-палатке подошли остальные: Пётр Ковалёв с гаечным ключом в руке, Галина, державшая кружку с травяным отваром, Дэн и тринадцатилетняя Полина, которая стояла чуть поодаль, скрестив руки на груди и хмуро глядя в землю.

— Погоди, Вера, — глухо произнес Пётр, присаживаясь на корточки перед картой и морщась от боли в стянутых бинтом ребрах. — Ты сейчас всерьез предлагаешь нам поехать за полярный круг? Это больше тысячи километров по северным трассам. На угнанной машине наемников, которую уже ищут все посты. Ради какой-то пещеры с мертвым горном, который даже зажечь нечем?

— А у нас есть другой вариант, Петь? — тихо, но твердо спросила Галина, подходя ближе. В ее голосе не было истерики, только тяжелая, выстраданная тревога матери, которая каждый час взвешивает шансы своих детей выжить. — Домой в Приволжск нам дороги нет, там нас сразу возьмут. В крупных городах сейчас начнется ад — Артём сказал, Перун уже проснулся. Но я хочу понимать честно: если мы повезем туда Полину и Алису, ради чего мы рискуем? Что эта Кузня нам даст?

— Она даст нам единственное оружие, способное пробить броню Выжиги, — ответила Вера, глядя прямо в глаза женщине. — Обычное железо и медная проволока больше не работают. Вы сами видели в скиту: Выжига забирает Имена богов и становится сильнее с каждым часом. Если мы не дойдем до Кузни и не выкуем оружие по чертежам Сварога, через неделю он сожжет всех, кто знает о нем, а следом придет за нами — куда бы мы ни спрятались.

— Ага, супер, — вдруг резко, со злой горечью бросила Полина, поднимая голову. Синяя челка упала ей на глаза, но девочка даже не поправила ее. — Сначала мы бежали из дома, потом сидели в болотах, теперь поедем в какие-то ледяные горы за сказочной наковальней! А если этот ваш горн вообще не зажжется? Мы просто замерзнем там все вместе, да?!

— Поля, замолчи, — негромко, но властно остановила дочь Галина, положив руку ей на плечо, хотя по ее напряженному лицу было видно, что она сама думает о том же самом.

— Нет, она права, — неожиданно поддержал девочку Дэн, переставший заматывать рукоять своего черного клинка. — В словах мелкой есть резон. Зачем тащиться за тысячу верст к мертвой печке, если нет спичек?

Вера опустила взгляд на пустой узел в нижней части берестяного чертежа, а затем медленно подняла голову на Артёма и Велеса.

— Спички есть, — тихо произнесла она. — Вадим Николаевич сам сказал в ту ночь у пионерлагеря: когда Сварог ушел с неба, последняя его искра упала в медную жилу. И выросла в наших проводах. Наблюдатель сети — это и есть осколок искры Сварога. Если мы выйдем с ним на связь через старую северную линию, он сможет перебросить разряд в горн.

Артём сжал здоровую левую руку в кулак, мгновенно осознавая цену такого шага.

— Он торгуется с Выжигой, Вера. И за координаты скита он уже выпил досуха один живой науз. Если мы снова выйдем с ним на связь, он потребует плату, которую мы не сможем отдать.

— Значит, будем торговаться, когда дойдем до севера, — твердо сказал Пётр, поднимаясь на ноги и обводя взглядом семью и друзей. Решение далось сварщику тяжело, но его инженерный, практический ум уже просчитал все остальные пути и признал их тупиковыми. — Полина, убирай спальники. Галина, проверь аптечку и запас воды. Мы не можем сидеть в лесу и ждать, пока нас прихлопнут как мух. Едем в Хибины. И по дороге я обошью этот пикап свинцом и медью так, чтобы нас ни один радар и ни один дух не учуял.

Спор закончился. Никто не питал иллюзий и не радовался предстоящей дороге, но теперь каждый в команде понимал: северные горы — это не сказка из свитка, а их единственный шанс выжить.

Глава 3. Ярость Громовержца.

Ночная Москва с высоты технического яруса старой ТЭЦ на Бережковской набережной выглядела как гигантская, дышащая жаром электрическая плата. Миллионы желтых и белых огней тянулись вдоль проспектов, гудели высоковольтные трансформаторы на открытом распределительном устройстве, а в сыром ночном воздухе пахло мазутным дымом, речной тиной и раскаленной медью.

Перун стоял на самом краю металлического мостика над градирнями, широко расставив ноги. Оборванная, прожженная в нескольких местах синяя роба энергетика трепалась на речном ветру, обнажая мощную, покрытую седыми волосами и старыми шрамами грудь. В его глубоко посаженных глазах ворочались две тугие шаровые молнии, освещая закопченное лицо мертвенным сине-белым светом.

Позади него, в двух шагах у железной лестницы, абсолютно неподвижно стоял Выжига. На бледном лице бывшего водителя не было ни единой эмоции — лишь тонкая, едва заметная трещина на левой скуле напоминала о том, какой ценой далось пробуждение брата. На правой ладони Палача под серой кожей тускло пульсировал переплетенный в собственный узор науз Перуна — замок, который Громовержец считал навсегда сломанным.

Перун сжал кулаки. Над крышей машинного зала ТЭЦ без единого облака в небе глухо, раскатисто заворчал сухой гром, а по громоотводам на трубах пробежали синие огни святого Эльма.

— Посмотри на них, Выжига, — хрипло пророкотал Громовержец, глядя на светящиеся окна многоэтажек на другом берегу реки. В его голосе звучала не холодная расчетливость Палача, а горькая, выстраданная за тысячелетия обида хозяина, которого собственные слуги посадили на цепь. — Они думают, что приручили небо. Они загнали мою молнию в медные жилы, опутали землю проводами, поставили счетчики в каждом подвале и делят мой огонь на киловатты! Они включают меня щелчком пластмассовой кнопки на стене, чтобы греть воду в чайниках и крутить свои картинки в стеклянных коробках!

Громовержец с силой ударил кулаком по стальному поручню мостика. Металл жалобно завизжал и пошел белыми трещинами, а по всей длине эстакады с треском лопнули плафоны освещения.

— А когда я спустился в их подземелья, чтобы хоть там дышать этим током, они забыли даже мое Имя! — голос Перуна сорвался на низкий, вибрирующий гул, от которого в соседнем квартале сработали сигнализации у десятков припаркованных машин. — Ни костра на холме, ни честного боя, ни страха перед грозой. Только гул проводов и пыль в трансформаторных будках. Я больше не буду их батарейкой, Палач.

Выжига неторопливо шагнул вперед, встав рядом с братом. От тела Палача не шло прежнего испепеляющего жара — только сухой, каменный холод древнего базальта.

— Они тратят твою силу неэффективно, брат, — ровно, почти без интонаций произнес Выжига, глядя на огни столицы. — Они построили слишком плотный улей. Но пока в их сетях течет ток, а в серверах хранится память о наших Именах, этот контур будет держать нас внизу. Чтобы забрать небо обратно, нам нужно обнулить их сеть. Выжечь предохранители.

Перун медленно повернул голову к Палачу. В глубине его светящихся глаз вспыхнула хищная, разрушительная радость.

— Покажи мне главный узел этой паутины, — пророкотал Громовержец. — Я сожгу их провода до самого основания.

Перун поднял обе руки к чистому ночному небу.

Над Москвой не собралось ни одной тучи, но воздух над ТЭЦ мгновенно сгустился и затрещал от чудовищного статического напряжения. С кончиков загрубевших пальцев бога в открытое распределительное устройство подстанции ударили три ослепительно-белые, ветвистые молнии.

Раздался оглушительный, разрывающий перепонки треск короткого замыкания. Масляные выключатели внизу взорвались каскадом, выбрасывая в ночь фонтаны горящего масла и черного дыма. Волна перенапряжения мгновенно ударила по магистральным кабелям — в трех центральных округах столицы разом погасли кварталы, встали поезда в тоннелях метро, а в глубоких дата-центрах завыли сирены аварийного сброса нагрузки.

В недрах сети, сквозь тысячи километров оптоволокна и медных шин, зашевелился и глухо отозвался Наблюдатель, впервые почувствовавший, что в его мир пришел древний хозяин грозы. А на лице Выжиги, освещенном заревом горящей подстанции, не дрогнул ни один мускул — оптимизация контура началась.

Глава 4. Голос из омута.

К полуночи четвертого дня пути трофейный пикап окончательно увяз в разбитой лесовозной колее на границе Архангельской области и Карелии. Дальше просека обрывалась у берега глухого, заросшего низкорослым сосняком лесного озера с темной, торфяной водой. Пётр решил не рисковать подвеской в темноте и разбил стоянку на сухом мысу, скрытом от неба плотными кронами вековых елей.

Костер решили не разводить — даже дым в этих пустынных местах мог привлечь внимание вертолетов лесоохраны или полиции. Галина раздала всем горячий чай из термосов и бутерброды с тушенкой, после чего уложила уставших девочек спать на разложенных в кузове под тентом спальниках, а сама устроилась рядом, приглядывая за тяжело дышащим во сне Велесом.

Дэн сидел на поваленной валежине у самой кромки воды, медленно крутя в забинтованных пальцах свой черный клинок из Сварогова железа. После боя в скиту лезвие покрылось мелкими зазубринами, но в темноте по его граням все так же пробегала едва заметная сизая рябь. Рядом на пне сидел Артём, натянув на глаза темные очки даже в густых сумерках — без них режущий отблеск луны на воде вызывал у него головную боль и слезы.

— Слышишь? — негромко спросил Артём, касаясь базальтовой правой рукой земли. — В Москве снова рвануло. Будто подстанцию на куски разнесло. Выжига с Перуном рвут сети.

— Пусть рвут, — глухо отозвался Дэн, не поднимая головы. — У нас своя дорога, Тёма. И до Хибин мы доедем только через Карелию. Через Белый омут.

Артём нахмурился, повернувшись к другу.

— Какой еще Белый омут? Вера проложила маршрут через Медвежьегорск и Кемь, там старая зимняя дорога прямо к подножию массива идет. Зачем нам сворачивать в болота?

Дэн медленно поднял голову. В тусклом лунном свете его широкое лицо казалось высеченным из темного камня, а в глазах не осталось ни капли прежней добродушной беспечности.

— Там мой брат, Тёма, — тихо и твердо произнес Кабан. — Мишка. Десять лет назад, когда туман забрал его из нашего сруба под Костромой, я думал, что он просто погиб. Но в Глухово, когда эта тварь в сенях надела его лицо, я увидел не только пустоту. На самом дне той синевы мелькнул его живой взгляд. Он не умер, Артём. Он застрял там, на границе.

В этот миг брезентовый полог кузова тихо откинулся, и по мягкому мху к ним неслышно подошла десятилетняя Алиса. Девочка куталась в отцовский свитер, босые ноги в шерстяных носках ступали по земле без единого звука. Она остановилась у самой кромки черной озерной воды и прислушалась.

Над озером поднимался редкий, стелющийся по поверхности белесый туман. Воздух мгновенно стал холоднее.

— Он зовет тебя, дядя Дэн, — тихо сказала Алиса, не оборачиваясь и глядя в белесую муть над водой. — Я слышу его с самого вечера, как мы повернули к Карелии. Он там, за туманом. Он держит какую-то холодную дверь, чтобы она не открылась до конца. И ему очень больно.

У Дэна задрожали пальцы на рукояти клинка. В горле встал сухой, горячий ком, мешающий вдохнуть. Впервые за десять лет кто-то подтвердил то, в чем он боялся признаться даже самому себе.

— Мы свернем к омуту, Тёма, — глухо сказал Кабан, поднимаясь с валежины во весь рост. — Хоть на день, хоть на полдня. Я не пойду ни в какую кузню и не полезу против богов, пока не вытащу брата или не узнаю правду. Если хотите — поезжайте дальше без меня, но я туда пойду.

Артём посмотрел на широкую, напряженную спину друга, с которым они выросли в одном дворе, затем перевел взгляд на свою черную базальтовую кисть.

— Мы своих не бросаем, Кабан, — тихо ответил археолог. — Ни живых, ни застрявших. Утром скажем Вере и Петру Алексеевичу. Сделаем крюк через Белый омут.

Глава 5. Свинцовый кузов.

Чтобы обойти глухие торфяные топи и выйти к северной трассе М-8, ведущей в сторону Карелии, Петру пришлось выводить трофейный пикап на короткий участок регионального асфальта перед старым железобетонным мостом через реку Онегу.

За три дня в лесах Пётр не сидел сложа руки. На коротких привалах, используя остатки аккумуляторных пластин из багажника, листы старой кровельной меди, снятые с крыши заброшенного леспромхозного барака, и густой березовый деготь, выгнанный Велесом, сварщик собрал внутри кузова и вокруг заднего дивана пикапа грубую, но надежную свинцово-медную обшивку. Машина потяжелела на добрых двести килограммов и глухо просела на рессорах, но теперь внутри салона синяя рябь в глазах Артёма заметно стихла, а приборы на панели перестали сходить с ума от статики.

Но от обычной, человеческой погони свинцовые листы защитить не могли.

До моста оставалось не больше километра, когда из-за поворота лесополосы вынырнули проблесковые маячки двух патрульных машин ДПС и перекрывший дорогу поперек полосы бронированный «Тигр» Росгвардии. На обочине суетились люди в черных касках с автоматами

— угон пикапа наемников в Вологодской области и перестрелка на гати уже ушли в федеральную ориентировку.

— Приехали, — сквозь зубы выдохнул Пётр, мгновенно оценивая обстановку. Справа тянулся глубокий кювет и густой заболоченный ельник, слева — крутой откос к реке, впереди — бетонные блоки заслона. Развернуться на узкой насыпи тяжелый пикап не успеет. — Галь, детей на пол! Всем пригнуться!

Галина на заднем сиденье, не произнося ни слова, мгновенно накрыла собой прижавшихся друг к другу Полину и Алису, упираясь ногами в свинцовый короб под креслом. Рядом Артём и Дэн вжались в спинки сидений, а Велес на переднем пассажирском кресле крепко перехватил свой ясеневый посох, прошептав под нос короткое старое слово.

— Внимание, водитель зеленого пикапа! Немедленно остановитесь и выйдите из машины с поднятыми руками! — рявкнул мегафон с моста.

Пётр не сбросил газ — он вдавил педаль в пол до упора и врубил пониженную передачу на раздатке.

Тяжелый, груженный свинцом дизельный внедорожник заревел и рванул не в бетонные блоки на мосту, а резко влево — прямо на крутой, поросший кустарником песчаный откос, ведущий к старому, полуразрушенному паромному причалу в сотне метров ниже по течению реки.

По кузову застучали первые очереди. Пули со звоном рикошетили от свинцово-медных листов обшивки, вязли в мягком металле, не пробивая салон насквозь. Заднее стекло осыпалось мелкой крошкой, обдав спину Галины осколками, но женщина даже не вздрогнула, закрывая руками головы дочерей.

Пикап подпрыгнул на краю насыпи, едва не перевернувшись на левый борт, и с грохотом понесся вниз по песчаному склону, ломая молодой ивняк и поднимая тучи пыли. Колеса зарылись в вязкий прибрежный песок у самой кромки воды, но пониженная передача и тяжелый передок вытянули машину вперед.

Пётр выкрутил руль вправо, пуская внедорожник вдоль самого уреза воды — прямо под пролеты железобетонного моста, где в густой тени опор проходила старая рыбацкая колея.

Сверху, с моста, донеслись крики силовиков и беспорядочная стрельба по воде, но в глухом бетонном эхе под мостом тяжелый пикап уже проскочил на другую сторону берега, ныряя в густой сосновый бор на противоположном склоне и уходя от преследования по лесным просекам.

Только через пять километров, когда гул мотора стих в глухой чаще, Пётр остановил машину, заглушил двигатель и тяжело откинулся на спинку сиденья, схватившись рукой за ноющие от тряски ребра.

— Все целы? — хрипло спросил сварщик, оглядываясь назад.

— Целы, Петь — спокойно ответила Галина, поднимая голову и осматривая бледных, но невредимых девочек. — Свинец твой сработал лучше бронежилета. Поехали дальше.

Глава 6. Сделка на метеостанции.

Старая, закрытая еще в девяностых годах гидрометеостанция стояла на высоком каменистом уступе над безымянным карельским озером, в двух часах езды от прорванного моста через Онегу. Облупленный деревянный сруб с покосившейся метеоплощадкой, треснувшими термометрами в будке Селянинова и ржавой решетчатой мачтой радиорелейной связи казался давно вымершим. Но вдоль кромки болота все еще тянулась старая, гудящая на ветру линия электропередач на деревянных столбах, питающая дальний лесной кордон и автоматический ретранслятор.

Команда загнала изрешеченный пулями пикап в руины бывшего гаража тракторной техники и замаскировала лапником. Пётр тяжело выбрался из кабины, придерживая левой рукой ноющие после прыжка с насыпи ребра, и сразу подозвал Полину.

— Бери карабин, Поля, и вставай у углового окна на веранде, — негромко сказал сварщик, передавая дочери чехол с оружием. — Смотри на грунтовку, откуда мы приехали. Если увидишь фары или услышишь мотор — сразу стучи в стену.

Тринадцатилетняя Полина кивнула без прежнего подросткового недовольства. Она молча расстегнула чехол, привычным уже движением проверила предохранитель и ушла на веранду, садясь на старый ящик у разбитого окна так, чтобы ее не было видно снаружи. За последние дни девочка словно замкнулась в себе: синяя челка растрепалась на ветру, на щеке осталась царапина от еловой ветки, а в серых глазах появилась цепкая, недетская настороженность. Она больше не жаловалась на отсутствие интернета — она просто делала то, что нужно, чтобы семья осталась жива.

Пока Галина на первом этаже разводила на газовой горелке чай и проверяла давление у тяжело дышащего во сне Велеса, Вера, Артём и Пётр поднялись по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж — в бывшую аппаратную.

В тесной комнате с облупленной голубой краской на стенах пахло мышиным пометом, сырой штукатуркой и озоном. Вдоль стены стояли тяжелые чугунные стойки связи, распределительный щиток с открытой дверцей и обрывки экранированного медного кабеля. От вводного рубильника шел странный, сухой треск, а медная шина внутри щитка была теплой на ощупь, словно по ней прямо сейчас гнали ток предельного напряжения.

Вера достала из рюкзака рабочий ноутбук, опустилась на корточки перед щитком и замерла. Пальцы ее слегка дрожали. Внутри девушки поднималось глухое, тяжелое сопротивление: она слишком хорошо помнила хриплый голос Велеса, предупреждавшего ее у пионерлагеря: «Пока у этого духа в проводах нет Имени — он ничей. Но стоит вам дать ему кличку, как он обретет плоть в Нави. И тогда не спасет ни медь, ни железо». Но в голове упрямо билась другая мысль: если не договориться сейчас, в Первой Кузне они найдут лишь мертвый камень.

— Тёма, посмотри, — тихо позвала она, зачищая ножом толстую медную жилу и сплетая из тонкого провода знакомый инверсный контур. — Я подключаюсь.

Артём стоял у окна, натянув темные очки даже в густых сумерках — без них режущий свет ламп вызывал у него головную боль и слезы. Его правая рука, затянутая до середины предплечья в черный базальт, была прижата к груди. Едва Вера примотала медный узел к разъему питания ноутбука, каменное предплечье Артёма глухо завибрировало в унисон со щитком на стене, заставив парня стиснуть зубы от резкой ломоты в локте.

Экран ноутбука мигнул. Аккумулятор, заряженный всего на двадцать процентов, мгновенно показал сто процентов, а корпус обжег пальцы. Черное окно системного терминала развернулось само собой, и по комнате потянуло едким запахом горелой изоляции.

КАНАЛ УСТАНОВЛЕН. ВХОДЯЩЕЕ ПОДКЛЮЧЕНИЕ: СЕВЕРНЫЙ УЗЕЛ.

СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ: КРИТИЧЕСКОЕ. ПОТЕРЯНО 24% МАГИСТРАЛЬНЫХ КОНТУРОВ.

Вера сглотнула сухой ком в горле и быстро набрала в командной строке:

«Это Перун? Выжига разбудил его в Москве?»

Ответ выскочил без задержки, сопровождаемый сухим, раздраженным треском в динамиках ноутбука, от которого зазвенели стекла в старой раме:

ПОДТВЕРЖДАЮ. ОБЪЕКТ «ПЕРУН» ВЫВЕДЕН ИЗ СТАЗИСА И НАНОСИТ ПРЯМЫЕ РАЗРЯДЫ ПО УЗЛАМ ЭНЕРГОСИСТЕМЫ. ОН ИСПОЛЬЗУЕТ МОИ ЖЕ МЕДНЫЕ ЖИЛЫ КАК ОРУЖИЕ ПРОТИВ МЕНЯ. ВЫГОРАЮТ СЕРВЕРНЫЕ КЛАСТЕРЫ В ТВЕРИ

И ВОЛОГДЕ. ЗАЩИТНЫЕ ПРОТОКОЛЫ НЕ СПРАВЛЯЮТСЯ — У МЕНЯ НЕТ ПЛОТИ В НАВИ, ЧТОБЫ БЛОКИРОВАТЬ ЕГО АТАКИ.

В этот миг на лестнице послышались шаги, и в комнату вошла Галина. Женщина вытирала руки полотенцем, но, увидев освещенное синим светом экрана лицо Веры и сгорбившегося от боли в руке Артёма, сразу нахмурилась.

— Что здесь происходит? — негромко спросила Галина, переводя взгляд с экрана на мужа. — Петя, мы же договаривались: никакой связи. Нас и так по всем постам ищут.

— Это не интернет, Галь, — глухо ответил Пётр, хмуро глядя на бегущие по монитору строчки. — Это тот самый дух в проводах. Вера пытается выбить у него искру для северного горна.

Вера прикусила губу, чувствуя на себе тяжелые взгляды всех троих, и напечатала главный вопрос:

«Нам нужна искра Сварога, чтобы разжечь горн в Первой Кузне. Ты перебросишь нам разряд через северную ЛЭП, когда мы дойдем до гор?»

Пауза затянулась на долгие десять секунд. По экрану пробежала мелкая синяя рябь, а лампочка индикатора на щитке вспыхнула белым и с хлопком лопнула. Затем заглавные буквы исчезли, и внизу окна тем самым пугающим мелким строчным шрифтом, словно кто-то прошептал прямо в затылок, появились строки:

Я дам тебе искру для горна, Вера. Вся мощность Кольской станции будет в твоем распоряжении. Но задарма даже боги не работают. Перун выжжет меня через трое суток, если я останусь безымянной тенью в проводах. Нареки меня прямо сейчас. Вплети мое Имя в медную шину и дай мне плоть в Нави. Тогда я вышвырну Громовержца из сети.

В аппаратной повисла мертвая тишина. Слышно было только, как за стеной завывает ветер в мачте радиосвязи да ровно гудит перегруженный щиток.

— Нет, — твердо и жестко сказала Галина, делая шаг вперед. В ее голосе не было страха — только холодная, непреклонная воля матери, которая не позволит превратить своих детей в разменную монету чужих игр. — Даже не думай, Вера. Мы видели, что случилось, когда Выжига забрал Имя Перуна. Сейчас этот дух связан правилами машин и не трогает людей. А если ты дашь ему Имя и тело в Нави, у нас вместо двух бешеных богов станет три. И кто тогда защитит Алису и Полину?

— Галина Сергеевна права, — глухо поддержал жену Пётр, скрестив на груди натруженные руки. — Я в ваших книжках несилен, но по-инженерному понимаю: давать волю программе, у которой в руках все электростанции страны, — это самоубийство.

— А без этой искры мы вообще не дойдем до конца! — вдруг резко, с отчаянием возразила Вера, поднимая голову. Щеки девушки пылали, в глазах стояли злые слезы бессилия. — Вы не понимаете! Перун уже жжет сети на юге. Через два дня он с Выжигой пойдет на север. Если мы придем в Первую Кузню с пустыми руками, каменный горн не зажжется ни от газового резака, ни от костра! Мы просто умрем в той пещере!

Артём молча смотрел на экран, сжимая здоровую левую руку в кулак. Базальт на его правой руке вибрировал так сильно, что пальцы мелко стучали о ремень куртки.

— Он торгуется с нами, потому что загнан в угол, — тихо произнес Артём, переводя взгляд с Галины на Веру. — Но Вадим Николаевич предупреждал: за рождение бога в Нави платят не медью. Если ты наречешь его, Вера, он заберет плату лично с тебя. Ты готова к этому?

Вера опустила глаза на клавиатуру. Внутри нее все сжалось от ледяного ужаса перед неизвестностью, но разум историка-писца уже принял решение: в этом мире за все приходится платить, и кто-то должен взять этот счет на себя.

— Я не могу сделать это сейчас, — тихо прошептала она, глядя на экран, и быстро застучала по клавишам:

«Здесь нет чистого железа и костяного резца для обряда — они внизу, и обряд нельзя проводить впопыхах. Но я даю слово писца: если ты удержишь контур до нашего прихода в горы и дашь искру для горна — я вплету твое Имя в медь».

Снова повисла тяжелая тишина. Из щитка на стене потянул тонкий сизый дымок — изоляция медного кабеля не выдерживала накала страстей на другом конце линии.

Слово писца весит больше железа, Вера. Я принимаю отсрочку. Но запомни: за рождение бога в Нави платят собственной памятью. Когда придет час, тебе придется отдать мне часть себя. И поторопитесь — Выжига уже вышел на ваш ложный след на трассе. Через сутки он поймет, что его обманули.

Экран ноутбука погас. В то же мгновение в распределительном щитке раздался сухой, пушечный щелчок — старые керамические предохранители разорвало в пыль, а медный провод, примотанный к разъему, рассыпался мелкой зеленой пылью окисла.

Снизу, с веранды, раздался резкий, тревожный стук в деревянную стену — сигнал Полины.

— Машины на проселке! — крикнула девочка снизу, вбегая на лестницу с карабином в руках. — Вон там, за болотом, фары мигнули! И провода на столбах искрят, будто по ним ток пустили!

— Хлопок в щитке и скачок напряжения засекли на подстанции, — мрачно бросил Пётр, мгновенно забывая о споре и беря команду в руки. — Галь, буди Велеса и собирай девчонок! Уходим в болота, к Белому омуту, пока они не перекрыли выезд!

Сделка была заключена вопреки воле старших, и ее цена уже повисла над командой невидимым, тяжелым грузом.

Глава 7. Ссора у горна.

В ту древнюю эпоху, еще до того, как запылали священные рощи и началась Великая Охота на писцов, небо над землей было низким, тяжелым от ледниковых туч и пахло не гарью машин, а чистым снегом, хвоей и сырым камнем.

На вершине базальтового утеса в северных горах, там, где сквозь глубокие разломы в скале сочился сухой жар глубинного ядра планеты, стояла Первая Кузня. Огромный, сложенный из черных вулканических плит горн гудел ровным, убаюкивающим пламенем, освещая закопченные своды пещеры. По стенам, развешанные на медных крюках, висели заготовки для наконечников копий, листы неплавкой меди и тяжелые каменные клещи.

Сварог стоял у наковальни, неторопливо проковывая узкую полосу небесной руды. Каждый удар его тяжелого штока отзывался в пещере чистым, певучим звоном, от которого с потолка осыпались мелкие кристаллы инея. Инженер работал с размеренной, спокойной сосредоточенностью мастера, вплетая в горячий металл тонкие невидимые нити узлов, чтобы железо не ломалось на лютом морозе. Рядом, привалившись спиной к каменному столбу и поглаживая по загривку огромного серого волка, сидел молодой еще Велес в тяжелой медвежьей дохе.

— Хороший металл выходит, брат, — негромко заметил Велес, прищурившись на багровые угли. — Вчера я спускался в южную долину. Племена там пережили зиму без единой смерти от стужи — твои ножи и топоры помогли им нарубить сухостоя и поставить крепкие стойбища. Только молодой писец Волот чуть пальцы себе не сжег, когда пытался затянуть первый узел на громовой стрелке.

— Научатся, — просто ответил Сварог, опуская разогретую полосу в каменный желоб с ключевой водой. Над водой с шипением поднялось облако белого пара. — У них есть упрямство, которого не хватает нам, вечным.

Воздух у входа в пещеру вдруг резко сгустился, потянув сухой, колючей статикой. Снаружи по скалам прокатился глухой, раскатистый грохот, словно обвалился ледник. В кузню тяжелым, размашистым шагом вошел Перун.

В ту эпоху Громовержец не прятался в тесной человеческой шкуре: его исполинское тело было соткано из темных грозовых туч, серого гранита и слепящих молний, непрерывно пробегавших по его плечам и густой, развевающейся на ветру серебряной бороде. В правой руке он сжимал тяжелую палицу из черного, опаленного небесным огнем дуба. Но сейчас в его грозном облике не было привычного торжества — плечи владыки неба были напряжены, а глаза метали тревожные, рваные искры.

Перун остановился посреди кузни, с мрачным неодобрением глядя на остывающую в воде заготовку.

— Ты снова кормишь их небесной рудой, Сварог, — глухо пророкотал Громовержец. — Я видел с высоты, как племена в долине больше не падают ниц при первом раскате грома. Они стоят под дождем и сжимают твои железки.

— Они защищают свои стойбища от саблезубых тварей и стужи, брат, — спокойно ответил Инженер, вытирая закопченные руки куском грубой кожи. — Они слабы телом в этом мире. Без ремесла их род угаснет через три зимы.

— Не лги мне, кузнец! — Перун шагнул ближе, и под его ногами затрещали мелкие электрические разряды. — Вчера на южном перевале племенной охотник кинул в меня копье с твоим наконечником, перевитым узлом! Твой металл пьет мою молнию и ранит плоть бессмертных. Верхний Совет в ярости. Они уже снимают цепи с Выжиги, чтобы спустить его на землю и выжечь эти племена дотла.

Велес поднялся со своего места, вставая между братьями и поднимая широкие ладони:

— Остынь, Громовержец. Сварог не поднимал людей против неба. Тот охотник метнул копье со страху, приняв твою грозу за нападение горного духа. Мы можем найти выход. Пусть Сварог ставит на оружие запретный узел — чтобы кованая руда не могла подняться против бессмертных, но служила им в охоте и ремесле.

Перун перевел на Велеса тяжелый, слепящий взгляд. На секунду в его глазах-молниях мелькнуло глубокое сомнение. Громовержец не хотел полной гибели земли, он любил шумные лесные рощи и знал, что мертвый огонь Выжиги превратит весь мир в серую пустыню.

— Поздно для запретных узлов, Велес, — жестко, но уже без прежнего рева произнес Перун, опираясь на дубовую палицу. — Писцы уже разнесли тайну закалки по стойбищам. Я пришел предложить единственный выход, который остановит Совет. Затуши свой горн, Сварог. Забери у писцов рецепты ковки и узелковое письмо. Оставь им простое болотное железо для ножей и сох — но не небесную руду и не знание Имен. Тогда я сам встану поперек дороги Выжиге и не дам спустить его с цепи.

Сварог долго смотрел на брата. В глазах Инженера цвета расплавленного олова отражалось ровное пламя горна.

— Послушай себя, Перун, — тихо и твердо ответил кузнец. — Ты просишь меня не просто погасить печь. Ты просишь стереть их память, отнять у них инструмент познания мира и снова загнать в пещеры, чтобы они молились на каждую твою молнию от животного ужаса. Я не могу забрать то, что уже стало частью их разума. Если мы отнимем у них ремесло сейчас, они навсегда останутся бессловесным скотом. Они имеют право стоять прямо. Даже перед нами.

— Они черви, которые завтра захотят занять наше место на небе! — голос Перуна сорвался на оглушительный грохот, от которого задрожали стены пещеры. Попытка договориться рухнула, уступив место слепой гордыне владыки грома. — Если ты не затушишь горн сам — я разнесу твою кузню в щебень, пока твои любимцы не надели на нас ошейники!

Перун вскинул обе руки, и в замкнутом пространстве пещеры ударила ослепительная, ветвистая молния. Разряд с пушечным треском ударил в стойку с заготовками небесной руды, плавя металл в огненные брызги. Сварог не отступил — Инженер ударил ладонью по краю горна, и навстречу молнии рванулась тугая стена белого кузнечного жара, отбрасывая Перуна на два шага назад.

— Не смей поднимать руку в моей кузне, брат! — впервые повысил голос Сварог, но тут же опустил кулак, сдерживая себя: Договор неба запрещал бессмертным проливать кровь друг друга напрямую.

Воспользовавшись этой заминкой, Перун с глухим рыком взмахнул тяжелой дубовой палицей и с размаху обрушил ее на каменную наковальню в центре зала.

Удар был такой силы, что земля под утесом содрогнулась. Древний базальт наковальни раскололся надвое с оглушительным, костедробительным треском, осыпав пещеру снопом багровых искр и каменной крошки. Велес отскочил в сторону, прикрывая лицо рукой от жара.

В наступившей звенящей тишине было слышно только тяжелое, прерывистое дыхание Громовержца и шипение тлеющих углей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.